

УДК 303. 446.4

ББК 63.3(0)4

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЦИНСКИХ ПОЛИЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ (НА ПРИМЕРЕ «ФАНЛЮЭ», «ЦЗОУ ЧЖЭ»)**

**On Some Features of Qing Multilingual Sources
on the History of the Oirats (“Fanglue”, “Zòuzhé”)**

Д. Г. Кукеев (D. Kukeev)¹

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph.D. of History, Researcher of History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kukeevd@list.ru.

Статья посвящена некоторым особенностям цинских полиязычных источников жанра «фанлюэ» и документов типа «цзоу чжэ», в которых находят отражение события, имеющие прямое отношение к истории ойратов. Автор статьи, демонстрируя различие между первоисточниками на маньчжурском языке типа «цзоу чжэ» и официальным трудом «фанлюэ», при написании которого составители прибегали к использованию «цзоу чжэ» в качестве источников, указывает на актуальность углубленного изучения китайских и маньчжурских материалов по истории ойратов. Статья построена на фактическом материале, который в значительной части в отечественной историографии отсутствует.

Ключевые слова: история ойратов, маньчжурские источники, Первый исторический Архив КНР, музей Гугун, переводы на китайский язык, историография.

The Corpus of Eastern Sources on the Oirats' history and the study of Qing multilingual texts is the primary focus of the present article. Focusing on Chinese “Fanglue” and Manchu version of “Bodogon-i bithe”, the author presents to Russian scholars the earlier unknown results of overseas research in Orats studies, comparing multilingual texts of the same source.

It is stated that the Manchu text proves to be more complete, whereas the Chinese one contains errors, omissions and deliberate corrections. The Manchu “Zòuzhé” texts are valuable for their being the primary source in multilingual collections, and, since many of them were not included in the “Fanglue” and even forbidden from being translated into Chinese, the valuable information was preserved only in Manchu. “Zòuzhé” is a collection of confidential reports from the local Qing trustees to the Emperor about the facts on the ground. The reports were sent to the Emperor directly, bypassing any intermediate instances. Every day the Emperor received 50–60 “Zòuzhé”. Twice a day reports, reviewed personally by the Emperor, would go to the Great Council (Junjuchu 軍機處) to be copied (wai ji 外紀) twice and sent to the archive and a person in charge. The original of the document with the resolution of the Emperor (Zhupi Zòuzhé 硃批奏摺) was sent to the reporter to review and returned them back; the violation of this rule was punishable by death. Written in the Manchu language “Zòuzhé” of that period often listed intelligence reports to the Emperor marked in Chinese “not for translation”. They contained confidential information on the situation along the Qing army's proposed route, reports about Galdan and Tsewang-Rabdan, etc.

“Zòuzhé” texts are now available for studies by Oirats researchers without a need to visit the archives of China or Taiwan for searching and selecting relevant documents. Multi-volume collection of “Zòuzhé” was published in the Chinese language by the National Palace Museum in Taiwan and then by the First Historic Archive in Beijing. Russian researchers are taking their first steps introducing valuable sources in Manchu on the history of Oirats in the scholarly practice of Mongolian studies.

Keywords: the history of the Oirats, Manchu sources, “Zòuzhé” texts, First Historical Archive of the People's Republic of China (PRC), the National Palace Museum (Gugong), translations into Chinese, historiography.

В отечественном ойратоведении зрелет необходимость в более обширных исследованиях, посвященных корпусу восточных источников, содержащих сведения по истории ойратов. Как отечественные [Котвич 1921; Кукеев 2008; Кутлуков 1987; Санчиров 1990; Успенский 1860], так и зарубежные исследователи [У-лань 2012; Halkovic 1997; Hambis 1969] в своих работах предоставляют ценную информацию о такого рода письменных памятниках, анализируют и используют этот корпус источников. По истории Джунгарского ханства до наших дней дошло большое количество памятников, что требует их критического осмысления, перевода, изучения и анализа содержащейся в них информации. Рассматривая с этой точки зрения массив восточных материалов, мы обнаруживаем значительный маньчжуроязычный пласт по интересующей нас тематике. И по нынешний день сведений по ойратской истории на маньчжурском языке сохранилось огромное количество, поскольку маньчжурский был основным языком делопроизводства во времена экспансии империи Цин (1644–1911) в Центральной Азии, когда связи ойратов с этой маньчжурской династией Китая отличались интенсивностью.

Прежде всего отметим, что в большинстве исторических материалов, отложившихся в результате деятельности цинских историографических комиссий, наблюдается полиязычная¹ публикация одного и того же труда. Так, китайская версия «Высочайше утвержденное описание усмирения земель к северу от пустыни», известная как «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» 亲征平定朔漠方略, имеет маньчжурский вариант “Beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogon-i bithe”². В 1904 г. мон-

¹ Вся документация в империи Цин велась на трех языках – маньчжурском, китайском и монгольском. Количественно преобладали документы на китайском языке, однако фонд материалов на маньчжурском был также весьма велик, поскольку многие важные документы в обязательном порядке должны были дублироваться на маньчжурском языке. Монгольский фонд был сравнительно небольшим. [Доронин 2002: 260].

² Это повествование о походах цинских войск против Галдан-Бошокту-хана перевел на русский язык И. Россохин, однако перевод так и остался в рукописи – под названием «История о завоевании китайским ханом Канхием калка-

гольские писари и знатоки маньчжурского языка перевели его на монгольский язык под названием “Engke Amuyulang gayan-u bodolga-yin bicig” («Записки о военных действиях армии при Энхэ Амугулане») [Санчиров 1990: 37–38]. Этот источник примечателен тем, что отражает в описываемых событиях, личное участие императора, хронологически ограничивая их 1677–1698 гг. В нем представлены в хронологическом порядке императорские эдикты, записки от важных чиновников (цзоу чжэ 奏摺), участвующих в военной кампании, и сведения от Галдан-Бошокту-хана, тибетского диды и других участников. Он также включает множество писем императора к своему сыну, написанных на маньчжурском языке с 1696 по 1697 гг. во время его второй, третьей и четвертой кампаний [Perdue 2005: 464]. К 1710 г. были опубликованы маньчжурская и китайская версии из 51 цюаня (главы), с предисловием императора, датированные 1708 г. Китайская версия в переводе с маньчжурского оригинала подверглась доработке и, как увидим ниже, содержит изменения по сравнению с маньчжурским текстом. Новое издание китайского текста «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» 1778 г. было включено в огромную императорскую энциклопедию «Сыку цюаньшу» 四库全书.

Этот источник стал первой полиязычной историей в жанре «фанлюэ»³, за которой последовали другие истории «фанлюэ» — в том числе и труд, посвященный уничтожению Джунгарского ханства Цинской империей «Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ» 平定准噶尔方略 (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгаров), который уже является триязычным трудом и включает как маньчжурскую версию “Jungar-i babe necihiyeme toktobuha bodogon-i bithe-i”, так и монгольскую “Jünger-i töbsidkegsen bodolga-yin bicig” в 171 томе, который в качестве источника использовал советский (русский) монголовед Ш. Б. Чимитдоржиев [Чимитдоржиев 2002: 7]. К сожалению, на русский или какой-либо западный язык (как в случае с переводом И. Россохина) памятник переведен не был ни дореволюционными, ни востоковедами последующего и элетского народа, кочующего в Великой Татарии».

³ Точных сведений о количестве произведений жанра «фанлюэ» нет. По одним данным их более 10, по другим более 20, а по третьим – их было намного больше.

ских времен. Что касается генезиса, то названием «фанлюэ», занималось специальное учреждение, именуемое по-маньчжурски “Bodogon-i bithe kuren”, по-китайски «Фанлюэгуань» 方略馆 (в современной историографии дается различное русское наименование данного учреждения: «Комитет по составлению и хранению описания войн настоящей династии», или «Ведомство военных архивов»), созданное в 1682 г.¹ В самом начале его существования здесь была составлена на китайском языке «История подавления [мятежа] Трех Вассалов» в 1673–1681 гг., которая называлась «Пиндин Санни фанлюэ» 平定三逆方略. Затем последовала написанная лишь на маньчжурском языке, но не опубликованная «фанлюэ» “Beve dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogon-i bithe”, где расписывались победы маньчжуров над «инакомыслящими» монголами Лигдан-хана в 1634 г. и Бурни-вана в 1676 г. Третьим по времени стало «Описание усмирения русских», или «Пиндин лоча фанлюэ» 平定罗刹方略², четвертой «фанлюэ» стала полиязычная «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» о войне Цинов с Галданом. По всей видимости, «Фанлюэгуань» было в ведомстве Нэйгэ 内阁, а затем перешло в состав Цзюньцзичу 軍機處 и функционировало не постоянно, а лишь тогда, когда выходил специальный императорский указ.

Необходимо указать на различие маньчжурского и китайского вариантов «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ», которое в нашем случае характеризует цинско-ойратское противостояние.

Западными исследователями установлено, что, когда составители «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» готовили китайскую версию этого произведения, они корректировали текст в определенных аспектах.

¹ Б. Г. Доронин и Беатрисс Бартлетт полагают, что «Фанлюэгуань» было учреждено в связи с началом работы по описанию военной кампании в Цзиньчуань, где шли народные волнения [Доронин 2002: 104; Bartlett 1991: 225–228]. Оюнбилег [Oyunbilig 1999: 2], Ся Хунту [Ся 1997: 134] и Питер Пёдью [Perdue 2005: комм. к 464) считают более правильной датой создания 1682 г.

² Оно состоит из 4 цзюаней, где собраны материалы, имеющие отношение к событиям вокруг осады Албазина и подписанию Нерчинского договора 1689 г. Этот документ переведен на русский язык и опубликован в книге: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. II. М., 1972.

Маньчжурское издание, задуманное прославлять самодержавного правителя в будущих поколениях, являлось трудом с тщательно сконструированной оценкой. Китайский вариант, адресованный более обширной аудитории — ханьским (собственно китайским) литераторам, — создавал не только однообразную оценку достижений императора, но и помещал ее в китайскую литературную традицию. Тонкие изменения показывают разницу между китайской и маньчжурской формулировками как расхождения культурного характера, пространственной организации и исторического понимания.

Китайский текст «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» вместе с маньчжурским был опубликован в 1710 г. и придерживался той же структуры. Однако в новое издание 1778 г. были привнесены дальнейшие искажения. В некоторых местах составители продолжали практику приуменьшения ошибочных оценок цинского императора путем удаления из текста его высказываний о том, что «Галдана легко победить», когда ход кампании показывал ее трудность, а также посредством исправления императорских указаний о времени и расстоянии. Они удалили доказательства о затруднительных охотничьих экспедициях, которые отвлекали Канси от военного плана [Perdue 2005: 466]. Немалый интерес представляют и изменения сущности терминов в маньчжурском и китайском текстах одного произведения.

Там, где маньчжурский текст описывает послов и племена как «пришедших сюда» (jidere), китайский именует их «пришедшими во внутренние районы» (сян нэй эр лай). Армии, которые «действовали против Галдана» (Galan-i baru ibebe), стали «карательными экспедициями» (цзинь тао). Часто маньчжурские глаголы, подразумевающие простое «приходить», были переведены китайским термином «возвращаться» (как «гуй», а не «лай» — «приходить»). «Гуй» 归 — термин с богатым моральным и политическим резонансом, подразумевает возвращение к правильному Пути тех народов, которые жили либо в невежестве, либо в состоянии мятежа против истинного правителя. Этот термин часто появляется в географических названиях на границе, как, например, при цинском переименовании монгольского городка «Кёке-Хото» (Голубой Город) в «Гуйхуа-чэн» 归化城 (Город

возвращения и преобразования) [Perdue 2005: 467].

Китайский текст рисует ойратских противников более черными красками, нежели маньчжурский. Изображая джунгаров как зверей, китайские авторы помещают их вне человеческой цивилизации. Об отступлении Галдана сказано, будто он «прячется в своем гнезде» и «убегает», как мышь. Памела Кроссли утверждает, что эти расовые и генеалогические элементы императорской идентичности появляются только в период правления Цяньлуна 乾隆 (1736–1795), однако такая же терминология использовалась составителями при Канси 康熙 (1662–1722) [Crossley 1999: 270].

Впоследствии творцы официальной цинской истории привлекали сфабрикованные документы, составленные чиновниками Канси, чтобы создать более шаблонное описание всего комплекса процессов имперской экспансии [Perdue 2005: 469], что может относиться и к «Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ».

В связи с этим ставится и другая необходимая задача: сравнение маньчжурских и китайских (и по возможности) монгольских текстов, посвященных одному событию. Для ее решения можно использовать не только архивы в Пекине и на Тайване, которые хранят множество разнообразных материалов, относящихся к интересующей нас теме, но и обратиться к опубликованным сборникам, содержащим материалы, о которых речь пойдет ниже. Как верно подметил Питер Пёдью, наши истории всегда будут только неполными попытками поймать неуловимые реальности прошлого [Perdue 2005: 466].

Однако и маньчжурский текст «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» во многом нельзя признать достоверным. Так, благодаря знакомству исследователей с первичными материалами «цзоу чжэ» на маньчжурском языке, на основе которых писались «фанлюэ», стала очевидна неполная объективность сочинений данного жанра. За последние десятилетия зарубежными востоковедами, прибегающими к маньчжурским материалам, были выявлены новые интересные сведения по истории цинско-ойратских отношений.

Известно, что маньчжурскому языку придавалось огромное значение при дворе правящего маньчжурского клана (uksun) «Айсинь-гиоро», поскольку этот язык яв-

лялся основным средством общения не только при цинском дворе, но также был секретным военным и политическим средством общения у цинской знати [Crossley, Rawsky 1993: 63].

Ценность маньчжуроязычного материала заключается и в том, что, во многих случаях являясь первоисточником в полиязычном собрании трудов, его аналог, переведенный цинской бюрократией на китайский язык, как было нами показано выше, содержал ошибки, пропуски и преднамеренные исправления. Но нередко бывало и так, что отдельные документы запрещалось переводить на китайский язык и информация хранилась лишь на маньчжурском языке. Речь идет об упоминаемом выше маньчжуроязычном материале, носящем китайское название «цзоучжэ» 奏摺 («записки, сложенные гармошкой»). Б. Г. Доронин считает, что такой тип докладов никогда ранее не существовал в Китае. «Цзоу чжэ» — это секретные доклады императору особо доверенных лиц о положении дел на местах. Минутные промежуточные инстанции, они поступали напрямую на рассмотрение цинскому императору. Ежедневно император получал 50–60 «цзоучжэ», а в конце года до – 100. Два раза в день доклады, просмотренные императором, поступали в Цзюньцзичу 軍機處¹, где с них снимали копии (вай цзи 外紀), одну из которых отправляли в архив, а другую — непосредственно к исполнителю. Оригинал с резолюцией императора (чжупи цзоучжэ 硃批奏摺), переданный для ознакомления докладчику, подлежал возврату; нарушение этого правила каралось смертной казнью [Доронин 2002: 261–262].

Памела Кроссли приводит интересную иллюстрацию этого типа материала при описании событий цинско-джунгарского противостояния — когда император Канси, возглавляя цинские войска, вел войну про-

¹ Цзюньцзичу — высший орган при Цинском дворе, который выполнял роль высшего совещательного органа при маньчжурском императоре, ведая военными, внешнеполитическими, законодательными, судебными и другими вопросами в Цинской империи. Его члены, числом от 4 до 9 человек, подбирались из особо назначенных секретарей Нэйгэ — канцлеров (дасюэши), глав шести ведомств (бушаншу), их помощников (шилан) и других чиновников. Цзюньцзичу превратился в правительство, полностью зависимое от императора и возглавляемое им [Непомнин 2005: 121].

тив джунгарского Галдан-Бошокту-хана. В маньчжуроязычном «цзоучжэ» этого периода нередко попадаются доклады разведки императору об обстановке вдоль предполагаемого маршрута цинской армии, о Галдане и Цэван-Рабдане, на грифе подобных материалов имеется обозначение на китайском языке «Не переводить» [Crossley, Rawsky 1993: 71].

Не менее интересный анализ провел Борджигитай Оюнбилиг, в своем исследовании рассмотревший 61 текст маньчжурских архивных документов, использованных при написании «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ», которые имели отношение к военной экспедиции Канси против Галдана с 14 октября 1696 по январь 1697 гг. Оюнбилиг обнаружил, что 60 % этих документов не были вовсе использованы в «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ», 28 % были частично процитированы, а 11 % являлись предписаниями императора и не были прямо связаны с событиями. Хуже всего то, что составители «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» целенаправленно отбирали материал для того, чтобы прославить действия императора. Маньчжурские «цзоу чжэ» показывают не вполне героическое поведение императора во время этой кампании, так как, в конечном счете, она не привела к существенным победам, а сам император Канси провел очень мало времени в военных операциях против джунгаров. Основные его занятия, как он с энтузиазмом сообщал в письмах к сыну, принцу-наследнику в Пекин, состояли из развлечений: увеселительных поездок, охоты и пиров с восточномонгольскими князьями-союзниками. Даже если бы эта деятельность имела положительные дипломатические результаты, поскольку произвела сильное впечатление на монголов из Ордоса имперской роскошью и щедростью, она не соответствовала бы описанным категориям «военной кампании» в «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ». Следовательно, составители «фанлюэ» не упоминали или подтасовывали документальные свидетельства, так как стремились создать впечатление, что император занимался активным военно-стратегическим планированием. Оюнбилиг заметил: «Реализовывая свою предвзятую идею, составители [фанлюэ] или игнорировали подлинные указы, или сокращали, переделывали, или помещали их в новой последовательности. Таким же способом подтасовывались под «свидетельства» им-

ператорской «военной кампании» и письма из двора, первоначально освещающие охоту и путешествия императора» [Oyunbilig 1999: 84].

Составители «фанлюэ» также фальсифицировали и искажали документальные свидетельства, касающиеся важных решений императора на протяжении всей кампании. Так, в декабре 1696 г. Галдан отправил к Канси своего посла Гэлэй Гуйена с предложением о мире. Галдан сделал вид, что он готов покориться Цинам, однако в действительности он лишь пытался затянуть время, чтобы предотвратить цинскую атаку до наступления зимы. Тогда бы он смог уйти из пределов досягаемости цинских армий и восстановить свои силы к весне. Оюнбилиг утверждает, что император всерьез принял предложение Галдана, считая, что Галдан был совершенно истощен и лишен надежды на успех. Помимо этого, личные войска Канси испытывали серьезную нехватку провианта, а сам он был озабочен ситуацией в столице. Это была экспедиция, в которой приведенный в ярость император, «покаялся есть снег» (как указано в «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ»), но не отказался от своей кампании, однако в действительности военные действия были им приостановлены из-за сопротивления его войск. Тогда Канси решил вернуться, предоставив Галдану 70 дней для исполнения своего обещания изъять покорность. Вопреки ожиданиям императора, Галдан не подчинился, и через 68 дней император должен был предпринять окончательную экспедицию. Составители «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» изменили причины и даты разговора Канси с джунгарским послом Гэлэй Гуйеном так, будто бы Канси с самого начала видел обманчивость предложения Галдана и в действительности ждал все 70 дней, которые были установлены как крайний срок [Oyunbilig 1999: 96]. Маньчжурские документы, которые были транскрибированы и переведены Оюнбилигом, ясно показывают неопределенность и скованность, которые ограничивали представления Сына Неба. Искажение фактов в официальных докладах о военных поражениях было во времена империи простой необходимостью, потому что признаться в неудаче значило навлечь на себя бесчестье [Gardner 1961: 65–66].

Таким образом, благодаря знакомству исследователей с маньчжурскими «цзоу чжэ», версия «фанлюэ» представляется не

вполне достоверной, поскольку упрощает подлинную ситуацию и плохо согласуется с фактами.

Сообщения, касающиеся военных действий, продолжали поступать на маньчжурском языке до 1760-х гг., т.е. до того времени, когда было окончательно уничтожено Джунгарское ханство. После 1723 г. «цзоу чжэ» с прилагаемыми к ним императорскими ответами были скопированы и сгруппированы в связки (錄副奏摺 луфу цзоучжэ) для хранения в правительственных архивах. Часто же бывало и так, что материалы, которые касались военной кампании, были отдельно отобраны в «узел военных дел» (цзюнь-у бао). Необходимо отметить, что еще в XVIII в. Цзюньцзичу 軍機處 создал категорию документов «Цзюньцзичу маньвэнь луфу цзоу чжэ» 軍機處滿文錄副奏摺 в качестве справочных экземпляров «чжупи цзоучжэ» 硃批奏摺 на маньчжурском языке, общее количество документов в которой достигает почти 180 тысяч. По вопросам «границы» (бяньцзян 邊疆), куда входили Маньчжурия, Монголия, Синьцзян, Тибет и Юго-Запад Китая, этот каталог насчитывает 120 тысяч документов [Onuma 2014: 35]. Эти материалы, проходящие через Цзюньцзичу, были собраны в ежемесячные связки, известные как «Юэчжэ бао» 月折包, и являются чрезвычайно ценными первичными источниками для будущих исследований.

Для работы с материалами «цзоу чжэ» не обязательно посещать архивы КНР и Тайваня с последующей рутинной процедурой поиска и отбора интересующих ойратоведа документов. В наши дни эти материалы становятся доступными благодаря их публикации. Начало этой деятельности положил дворцовый музей Гугун 故宮 на Тайване, опубликовав обширную многотомную серию своих изданий [Гунчжундан 1977; Гунчжундан 1977–1980; Гунчжундан 1982–1988]. Не отстает от Тайбэя и Первый исторический архив в Пекине, опубликовавший, однако, материал «цзоу чжэ» только на китайском языке [Кансичао 1996; Юнчжэн ханьвэнь 1996], без маньчжурского факсимиле, как в вышеописанной тайваньской версии.

Переведенные с маньчжурского на среднекитайский официальный язык документы приведены и в сборнике «Перевод торгутского архива на маньчжурском языке», изданном в 1988 г. в КНР и характерном тем, что в нем даются лишь китайские версии

докладов [Маньвэнь туэрхутэ 1988].

Изучение истории торгутов в более обширной сфере исследований истории ойратов, а особенно истории их Исхода из России в 1771 г. и дальнейшего пребывания на территории Цинской империи, явилось определенным стимулом при издании вышеназванного сборника. В нем представлено 145 документов из 2 специальных архивов: из так называемого «Торгутского архива на маньчжурском языке» 滿文土爾扈特檔 и «Архива Юэчжэ» (или «Архива ежемесячных связок “цзоу чжэ”») 月折檔 [Маньвэнь туэрхутэ 1988]. Отметим, что в «Торгутском архиве на маньчжурском языке» имеется 409 переведенных на китайский язык документов, из которых в этом сборнике опубликована лишь часть, и не совсем ясно, как эти документы отбирались для публикации. Причем среди опубликованных материалов в этом сборнике западными востоковедами были обнаружены свидетельства того, как цинские власти обсуждали поведение торгутов, которые подозревались в оказании сопротивления маньчжурским властям после своего прибытия в Синьцзян с Волги [Perdue 2005: 295].

Первый исторический архив КНР и Научно-исследовательский центр по изучению географии и истории формирования границ Китая 中国边疆史地研究中心 в опубликованном факсимиле 2012 г. представили документы, имеющие отношение к Синьцзяну. Он именуется «Сборник архивных документов на маньчжурском языке о Синьцзяне при династии Цин», документы в нем даются лишь на китайском языке и так же без исходного маньчжурского оригинала [Циндай Синьцзян 2012].

Современными западными востоковедами уже отмечалась одна особенность работы китайских коллег: они переводят маньчжурские документы на классический бюрократический китайский язык, который никто не использует в настоящее время, вместо того, чтобы составить научное издание на маньчжурских материалах, с переводом на современный письменный китайский язык. Даже если переводы достаточно точны, они все еще применяют китайскую терминологию, которая не вполне совершенно отражает маньчжурские первоисточники. Вполне вероятно, что, по замечанию Марка Эллиота, в сердце архивов КНР цинские традиции перевода и компилирования стойко переносят совершенно чуждые современным стан-

дартам текстовые исследования и архивные публикации [Elliot 2001: 1–70], и все же за последнее десятилетие наблюдается едва заметный сдвиг в подходах к публикации маньчжурских факсимиле.

Так, в 1999 г. Первый исторический архив в Пекине опубликовал «Каталог архивных материалов на маньчжурском языке [по вопросам] границы при династии Цин» 清代边疆满文档案目录, где о Синьцзяне упоминается в около 60 тысяч документов не только на маньчжурском, китайском, но и монгольском, ойратском, тюрки и персидском языках [Циндай бяньцзян 1999 – цит по: Општа 2014: 35].

Другим вызывающим интерес историка-ойратоведа является трехтомный труд «Сборник переводов из маньчжурского архива Военного совета [Цзюньцзичу] посольских [отношений] с джунгарами» на маньчжурском и китайском языках» [Цзюньцзичу маньвэнь 2009], который появился в результате отбора и перевода с маньчжурского языка на официальный китайский язык времен Цин материалов о посольских визитах маньчжурских сановников в Джунгарию и их докладов цинскому императору. Этот сборник содержит 609 документов периода с 1753 по 1755 гг. — именно того периода, который предшествовал захвату цинской династией территории Джунгарского ханства. В нем даются копии оригиналов документов на маньчжурском языке и их перевод на официальный китайский язык, принятый во времена династии Цин.

Таким образом, масса цинского полиязычного (в данном случае, китайского и маньчжурского) материала остается вне поля зрения отечественных специалистов-ойратоведов, их содержание еще подробно не изучено и, к сожалению, в должной мере не используется ни маньчжуроведами, ни китаистами. Глубокое изучение ценнейших материалов по истории ойратов, содержащихся в вышеописанных источниках, и введение их в научный оборот российского монголоведения — дело будущего. Но и первые шаги на этом пути, предпринятые в мировом востоковедении к настоящему времени, представляют вызывающие огромный интерес результаты. В этой связи возрастает актуальность изучения и введения в научный оборот отечественного ойратоведения сведений об ойратах на маньчжурском языке.

Литература

- Доронин Б. Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб: филол. фак-т СПбГУ, 2002. 288 с.
- Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII веках // Известия Российской Академии Наук. VI серия. 1919. Пг.: Академ. Двенадцат. гос. тип., 1921. С. 791–822.
- Кукеев Д. Г.* Комментированный перевод 328 цзюани «Мин ши» – «Ойраты» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 24–31.
- Кутлуков М.* Из истории международных связей в Центральной Азии в 1755–1859 гг. (сведения кашгарских историков) // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана. XV–XIX вв. Ташкент: Фан, 1987. С. 59–82.
- Непомнин О. Е.* История Китая: эпоха Цин. XVII–начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. II. 1686–1691. М.: Наука, 1972. 833 с.
- Санчилов В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.
- Успенский В. М.* Страна Кукэ-нор или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов // Записки Императорского Русского географического общества. Т. VI. СПб.: Тип. В. Безобразова и Коми, 1880. 140 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б.* Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 216 с.
- Bartlett B. S.* Monarchs and Ministers: the Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723-1820. Berkeley: University of California Press, 1991. 417 p.
- Crossley P. K.* A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley: University of California Press, 1999. 405 p.
- Crossley P. K., Rawsky E. S.* A Profile of the Manchu language in Ch'ing history // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1993. № 1. pp. 63 – 102.
- Elliot M.* The Manchu Language Archives of The Qing Dynasty and the Origins of the Palace Memorial System // Late Imperial China, 2001 № 1, pp. 1–70.
- Gardner C. S.* Chinese traditional historiography. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. 135 p.
- Halkovic S. A.* The Mongols of the West. Bloomington: Indiana University Press, 1985. 226 p.

- Hambis, L.* Documents sur l'histoire des Mongols a l'epoque des Ming. Paris: Presses Universitaires de France, 1969. 272 p.
- Perdue P. C.* China Marches West: the Qing conquest of Central Eurasia. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005–725 p.
- Oyunbilig B.* Zur Überlieferungsgeschichte des Berichts über den persönlichen Feldzug des Kangxi Kaisers gegen Galdan (1696–1697). Wiesbaden: Harrasowitz, 1999. 165 c.
- Onuma T.* The Qing Dynasty and Its Central Asian Neighbors // *Saksaha*. 2014. № 12. P. 33–48.
- Гунчжундан Кансичао цзоучжэ 宫中档康熙朝奏折 («Цзоу чжэ» из Архива Гунчжун времен правления Канси). Тайбэй: Гугун боюань, 1977. 9 т.
- Гунчжундан Юнчжэнчао цзоучжэ 宫中档雍正朝奏折 («Цзоу чжэ» из Архива Гунчжун времен правления Юнчжэна). Тайбэй: Гугун боюань, 1977–1980. 32 т.
- Гунчжундан Цяньлунчао цзоучжэ 宫中档乾隆朝奏折 («Цзоу чжэ» из Архива Гунчжун времен правления Цяньлуна). Тайбэй: Гугун боюань, 1982–1988. 75 т.
- У-лань М.* М. 乌兰. Вэйлатэ-мэнгу вэньсянь цзи шисюэ: и тотэ-вэнь лиши вэньсянь яньцзю вэй чжунсинь. (卫拉特蒙古文献及史学-以托忒文历史文献研究为中心). Литература и историография ойрат-монголов: в центре изучения историко-литературные памятники на «тодо-бичг». Пекин: жэньмин чубаньшэ, 2012. 448 с.
- Кансичао маньвэнь чжупицзоучжэ цюань. 康熙朝满文朱批奏折全译 (Полный перевод маньчжурских «цзоу чжэ» при Канси). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1996. 1931 с.
- Маньвэнь Туэрхутэ данань ибянь. 满文土尔扈特档案译编. (Перевод торгутского архива на маньчжурском языке). Пекин: миньцзу чубаньшэ, 1988. 249 с.
- Ся Хунту* 夏宏图, Циндай фанлюэгуань Шэли шицзянь цзюйчжэн 清代方略馆设立时间举证 (Анализ о времени создания цинского Фанлюэгуань) // Лиши даньянь 历史档案 (Исторический архив) 1997. № 2. С. 134–149.
- Цзюньцзичу маньвэнь чжуньгаэр шичжэ дань-ибянь. 军机处满文准噶尔使者档译编. 北京: 中央民族大学出版社, («Сборник переводов из маньчжурского архива Военного совета [Цзюньцзичу] посольских [отношений] с джунгарами» на маньчжурском и китайском языках) в 3-х тт. Пекин: Чжунъян миньцзу чубаньшэ, 2009. С. 1959, 1919, 2851.
- Циндай Синьцзян маньвэнь даньянь хуэйбянь. 清代新疆满文档案汇编. (Сборник маньчжурских архивных материалов о Синьцзяне при династии Цин). Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2012. 283 т.
- Циндай бяньцзян Маньвэнь даньянь мулу. 清代边疆满文档案目录 (Каталог архивных материалов на маньчжурском языке [по вопросам] границы при династии Цин). Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 1999. 12 т.
- Юнчжэнчао ханьвэнь чжупи цзоучжэ хуэйбянь. 雍正朝汉文朱批奏折汇编. (Сборник китайских «чжупи цзоучжэ» при Юнчжэне). Пекин: Цзянсу гуцзи чубаньшэ, 1996. 40 т.